

Рецепция научного наследия С.В. Никольского

Впервые я посетил Россию двадцатилетним студентом в 1994 г. по приглашению Людмилы Норайровны Будаговой. Я побывал в Санкт-Петербурге, потом в Москве, где целый день мы посвятили Институту славяноведения Российской академии наук. Это не считая отдельного похода к бывшему зданию Института в историческом центре города. Помимо хорошо известного впечатляющего, украшенного скульптурами, сверкающего здания на площади Гагарина, из которого открывается прекрасный вид на город и где сейчас расположен Институт, я хорошо помню свое посещение местного ресторана Академии, украшенного фотографиями Праги. (Прошу простить за воспоминание о ресторане, но тогда я еще был растущим организмом.) Меня познакомили с сотрудниками нескольких отделов Института и рассказали о работе над этнологической энциклопедией. А еще был момент, который я хорошо помню по сей день: «Там, – сказала Людмила Норайровна, – за тем столом сидит профессор Никольский». Вероятно, все мы в жизни переживали подобные моменты удивления, когда легендарная личность предстает перед тобой во плоти. Фамилию Никольского я прекрасно знал даже в свои двадцать лет.

Это имя я часто слышал в своей семье, от родителей, совмещавших работу в филиале Литературного архива Памятника

национальной письменности в замке в деревне Старе-Грады и на «Шрамковой Соботке» (*Šrámkova Sobotka*), фестивале чешского языка, литературы и культуры. Это был тот самый человек, который в начале 1950-х гг., после установления в Чехословакии коммунистического режима с его догмами, снова сделал возможным изучение, издание и постановку произведений одного из наших величайших писателей – Карела Чапека. Пусть это было идеологически окрашено и отчасти в искаженной форме, но все же. В условиях связанного коммунистической диктатурой государства, входившего в сферу влияния Советского Союза, его мнение не могло остаться без внимания. Возвращение в 1953 г. Чапека на сцены чешских театров драмами «Мать» (*Matka*), «Белая болезнь» (*Bílá nemoc*) и «Разбойник» (*Loupežník*) оказалось очень заметным в масштабах всей страны¹. Обратный процесс можно было наблюдать в публикациях, вышедших после переворота 1948 г. в период 1949–1952 гг., когда цензура по своей силе была сравнима с цензурой времен нацистской оккупации в 1942–1945 гг.²

¹ Подробнее см. на сайте Института искусства: [Электронный ресурс] Institut umění – Divadelní ústav. URL: <https://vis.idu.cz/> (дата обращения: 22.05.2022). Ср.: Černý J. Osudy českého divadla po druhé světové válce. Praha, 2007. S. 367.

² См. количество опубликованных изданий в каталоге Национальной библиотеки ЧР: [Электронный ресурс] Národní knihovna Online katalog. URL: <https://aleph.nkp.cz/> (дата обращения: 22.05.2022).

В Москве сочинения Чапека были опубликованы под названием «Избранное» и «Английские письма. Рассказы» в 1950 и 1952 гг., и в выходных данных этих книг, вышедших в издательствах «Художественная литература» и «Иностранная литература», значилось имя С.В. Никольского. Об активном обращении к его обширному богемистическому наследию в чешском литературоведении можно судить, исходя из данных, представленных в фундаментальном всеобъемлющем труде по истории чешской литературы и культуры «Лексикон чешской литературы до 1945 г.»³. Словарь был задуман и создавался сотрудниками нынешнего Института чешской литературы АН ЧР с 1980-х по 2010-е гг. В него вошло 3500 статей-персоналий, статей об отдельных произведениях, журналах и т.п. Включение избранных трудов в «Лексикон» свидетельствует об их актуальности и в то же время увеличивает потенциал их дальнейшего использования исследователями литературы и культуры. Работы С.В. Никольского упоминаются в «Лексиконе» в семи персоналиях.

Прежде всего, конечно, в статье о Кареле Чапеке, где были указаны ссылки на монографии Никольского на чешском языке –

³ *Forst V., Opelík J., Merhaut L. a kol. Lexikon české literatury do roku 1945. Díly I–IV. Praha, 1985–2008: díl I – Karel Čapek (s. 381–386), František L. Čelakovský (s. 424–430), díl III/1 – Josef Menzel (s. 232–233), Vítězslav Nezval (s. 527–534), díl IV/1 – Ladislav Štoll (s. 775–779), Jiří Taufer (s. 851–856), díl IV/2 – Jiří Wolker (s. 1637–1648).*

Karel Čapek («Карел Чапек», 1952) и *Fantastika a satira v díle K. Čapka* («Фантастика и сатира в творчестве К. Чапека», 1978⁴), а также на русском языке – «Роман К. Чапека “Война с саламандрами”» (М., 1968). В дополнение были приведены еще два исследования: *Román oscilujících žánrových forem* («Роман колеблющихся жанровых форм», журнал *Impuls*, 1967) и *Román žánrové syntézy* («Роман жанрового синтеза», журнал *Česká literatura*, 1974). Научный интерес Никольского к чешской художественной литературе XIX в. отражается в словарной статье о Франтишке Ладиславе Челаковском такими работами, как *F.L. Čelakovský a ruská písňová lidová tvorba* («Ф.Л. Челаковский и русское песенное творчество», журнал *Praha-Moskva*, 1952) и *F.L. Čelakovský* («Ф.Л. Челаковский», журнал *Sovětská věda – Literatura*, 1952). Туда же попала и рецензия под названием *Sovětský příspěvek k poznání díla F.L. Čelakovského /práce S.V. Nikolského/* («Советский вклад в изучение творчества Ф.Л. Челаковского /работы С.В. Никольского/», журнал *Česká literatura*, 1955). Раздел книги Никольского *Dvě epochy české literatury* («Две эпохи чешской литературы», 1986⁵) упоминается в словарной статье о Витезславе Незвале.

⁴ Русский оригинал: *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик. М., 1973. – прим. ред.

⁵ Русский оригинал: *Никольский С.В.* Две эпохи чешской литературы. М., 1981. – прим. ред.

В статье «Ладислав Штолл» дается ссылка на перевод рецензии Никольского на его книгу «Тридцать лет борьбы за чешскую социалистическую поэзию» (журнал *Tvorba*, 1951; до этого – журнал «Славяне», 1951), а также на доклад ученого на конференции «Личность и творчество Л. Штолла» (журнал *Česká literatura*, 1982). Далее в соответствующей персоналии была приведена работа *O poezii Jiřího Tauerera a literární vzájemnosti* («О поэзии Иржи Тауфера и литературной взаимности», журнал *Literární měsíčník*, 1981), написанная к юбилею поэта. Замечу, что было бы интересно более глубоко проанализировать деятельность обоих упомянутых одиозных представителей эпохи сталинизма 1950-х гг. и так называемой нормализации после оккупации Чехословакии в августе 1968 г., но это не является целью данной статьи. В словарной статье об Иржи Волькере мы находим ссылку на монографию Никольского *Myslenka a obraz ve Wolkerově poezii z let 1920-21* («Идея и образ в поэзии Волькера 1920-21 гг.», 1968), которая была переведена отцом известного кинорежиссера Йозефом Менцелем (о чем упомянуто в его собственной персоналии). Кроме того, в «Лексиконе» фигурирует работа *Mladistvé práce J. Wolkerera* («Творчество молодого И. Волькера», журнал *Praha-Moskva*, 1956), которая явилась переводом части труда «Иржи Волькер» (вышел в книге: «Ученые записки Института славяноведения», 1954), а также статьи *O jednom obrazném motívu v české poezii 20. let* («Об одном

образном мотиве в чешской поэзии 1920-х гг.», журнал *Česká literatura*, 1972) и *Prométeovské téma v české poezii* («Прометеевская тема в чешской поэзии», журнал *Literární měsíčník*, 1978). Упомянем еще, что Никольский был в числе тех, кто в 1974 г. к юбилею Волькера написал материал для издания *Literární měsíčník*.

Говоря о Волькере, я не могу не поделиться историей, которую мне когда-то поведала ученица Никольского Л.Н. Будагова. Произошла она, когда Людмила Норайровна еще писала дипломную работу о творчестве этого великого поэта. Бурные эмоции тогда уже замужней молодой женщины вылились в сновидение, в котором она сыграла свадьбу с поэтом и беседовала с ним по поводу вопросов его творчества, вызвавших расхождение во мнениях у нее и ее научного руководителя. «Никольский утверждал, что под Богом в сборнике “Гость на порог” (чеш. *Host do domu*) Волькер имеет в виду революцию. Я с этим не согласилась и решила спросить об этом у самого автора. “Иржи, – спрашиваю я во сне Волькера, – правда ли, что под Богом в “Госте на порог” ты понимаешь революцию?” “Нет”, – отвечает Волькер. Я ему говорю: “А Никольский сказал, что Бог у тебя – это революция”. “Кто такой Никольский?” – спрашивает Волькер, и это понятно, ведь он умер, когда Никольскому было два года. “Твой исследователь”, – отвечаю я ему вполне логично и... просыпаюсь»⁶. Л.Н. Будагова защитила свой университетский диплом в 1955 г.

⁶ *Budagovová L. Z mého života s českou literaturou. Sobotka, 2021. S. 10.*

Это воспоминание я процитировал из книги Л. Будаговой, изданной совсем недавно, в 2021 г., в Чехии под названием «Из моей жизни с чешской литературой», в которой мы найдем три фотографии с С.В. Никольским. Первая из них была сделана в Москве в конце 50-х гг. – на ней коллектив богемистов и славистов Института славяноведения. Вторую сняли там же в 1990 г. по случаю юбилея К. Чапека, а третья, сделанная на пражском Страгове, датируется осенью 1958 г., и на ней несколько московских богемистов и работников чешского академического литературоведческого института. Между некоторыми из них уже существовали или как раз начинали складываться прочные личные отношения длиною в жизнь. Несколько десятилетий спустя историк Дагмар Блюмлова из Южночешского университета в г. Ческе-Будеёвице и, вероятно, последняя из чешских коллег, сотрудничавших с Никольским, перевела его книгу «История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке и его герое» (М., 1997), которая вышла под чешским заголовком *V Haškových stopách za Josefem Švejkem* (2012).

В приглашении на наш круглый стол говорилось, что у С.В. Никольского более 500 публикаций⁷, из них лишь менее двадцати упоминаются авторами отдельных статей указанного

⁷ *Никольский С.В.* Сотрудники Института славяноведения РАН. М., 2012. С. 307–310.

современного лексикографического справочника по истории чешской литературы. Научные труды Никольского иллюстрируют широту его интересов, охватывающих два столетия. XIX в. представляет поэт и ученый Челаковский, о котором он писал уже в своей кандидатской диссертации. Однако, согласно библиографии, в его трудах все же доминирует современная литература прошлого века с превалированием творчества поэта И. Волькера и прозаика, драматурга, публициста К. Чапека. Последнему Никольский посвятил три монографии и докторскую диссертацию. Здесь я бы взял на себя смелость дать импульс новому исследованию и призвать своих коллег написать труд, всесторонне охватывающий эволюцию взглядов Никольского на творчество Чапека.

Когда упомянутый «Лексикон чешской литературы до 1945 г.» будет переведен в электронную версию и объединен с несколькими уже оцифрованными справочниками на единой платформе под названием «Словарь чешской литературы» (вследствие чего исчезнет заявленное в названии временное ограничение «после 1945 г.»), появится возможность актуализировать словарные статьи⁸. И я предполагаю, что число упоминаний работ

⁸ Пока имя Никольского появляется здесь лишь в статье о журнале «Чешская литература» (*Česká literatura*), где он состоял в редакционном совете. См.: [Электронный ресурс] Ústav pro českou literaturu Akademie věd České republiky, Slovník české literatury po roce 1945. URL: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/> (дата обращения: 22.05.2022).

Никольского в «Лексиконе» будет увеличиваться за счет включения новых исследований. Ведь, к примеру, персоналия о Чапеке была написана ещё в первой половине 1980-х гг., и с тех пор Никольский успел написать о нем две книги и несколько статей. Аналогично будет продвигаться и работа над другим крупным энциклопедическим изданием – «Биографическим словарем Чешских земель», являющимся долгосрочным проектом Института истории Академии наук Чешской Республики⁹. Он выходит с 2004 г., и здесь в персоналии, посвященной Ярославу Гашеку, также упоминается вышеуказанная книга Никольского о Гашеке в чешском переводе.

Имя Сергея Васильевича Никольского, в первую очередь, ассоциируется с Чапеком. Эта связь прочно вошла в сознание представителей уже нескольких поколений чехов, получивших гуманитарное образование, и сохраняется до сих пор¹⁰. Никольский известен как чапековед и тот самый человек, который помог писателю вернуться в чешскую литературную культуру в трудное время. В доказательство приведём слова другого писателя, Йозефа Шкворецкого. В 1983 г. он, находясь в эмиграции в Канаде,

⁹ [Электронный ресурс] Historický ústav Akademie věd České republiky, Biografický slovník Českých zemí. URL: <http://biography.hiu.cas.cz> (дата обращения: 22.05.2022); *Gilík E. Našek, Jaroslav* // Biografický slovník Českých zemí. 22. sešit Han–Hau. Praha, 2019. S. 283–285.

¹⁰ *Černý F. Nikolskému S.V. k osmdesátinám* // Zprávy Společnosti bratří Čapků. 2002. Č. 66. S. 3–4.

вспоминал тактику «протаскивания» писателей на страницы журнала *Světová literatura* во второй половине 50-х гг. и писал следующее: «Нас вдохновил метод Сергея Никольского, молодого советского докторанта, который своей диссертацией спас для чешской литературы буржуазного антикоммуниста Карела Чапека, представив его как гуманиста-антифашиста»¹¹.

Перевод с чешского К.К. Масловой

¹¹ *Škvorecký J.* Franz Kafka, jazz, protizidovská čítanka a jiné okrajové záležitosti // Mezi dvěma světy a jiné eseje. Praha, 2004. S. 168.